

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ СЕНАТОРА А. ВАНДЕНБЕРГА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

В статье рассматриваются причины и пути эволюции внешнеполитических воззрений сенатора-республиканца Артура Ванденберга в 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Конгресс США, Сенат, Вторая мировая война, Республиканская партия, внешняя политика США.

D. Ilyin

THE EVOLUTION OF SENATOR A. VANDENBERG'S VIEWS ON FOREIGN AFFAIRS DURING WORLD WAR II (1941–1945)

Senator Arthur Vandenberg's views on foreign affairs in 1941 – 1945: their evolution and its causes are considered.

Keywords: U.S. Congress, Senate, Second World War, Republican Party, U.S. foreign policy.

В 1940-е гг. Соединенные Штаты Америки из «провинциала», сосредоточенного почти исключительно на делах западного полушария, превратились в одну из двух сверхдержав, интересы которой теперь простирались далеко за пределы Американского континента. Изменения в статусе государства сопровождались и переменами в мировоззрении, риторике, поступках его политической элиты.

Внешнеполитические воззрения и концепции Ф. Рузвельта, К. Хэлла, Э. Стеттиниуса и других представителей исполнительной власти достаточно подробно освещены как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Однако немалое влияние на развитие внешнеполитической мысли и на саму внешнюю политику Соединенных Штатов в эти годы оказали и представители власти законодательной. Американские историки неоднократно обращались к исследованию персонального вклада законодателей во внутреннюю и внешнюю политику США [4, 14, 16]. В отечественной исторической науке этот вопрос изучен весьма слабо, можно отме-

тить только работу В. Б. Воронцова, посвященную сенатору У. Фулбрайту [21].

Фигура Артура Хенрика Ванденберга (1884–1951 гг.), сенатора-республиканца от штата Мичиган, интересна сразу по нескольким причинам. Во-первых, на примере Ванденберга ярко раскрываются мотивы и политические устремления тех политиков, кто прошел путь от предвоенного изоляционизма до последовательной защиты активной внешнеполитической роли США в послевоенном мире. Во-вторых, если в предвоенные годы сенатор был известен как один из самых принципиальных оппонентов администрации демократов в сфере внешней политики, то после окончания войны он был непосредственно причастен к созданию архитектуры двухпартийной внешней политики, на долгие годы ставшей краеугольным камнем американского внешнеполитического курса. В этом плане эволюция его воззрений и действий раскрывает весьма важную сторону внешнеполитического процесса США, выходя за рамки биографии отдельной, хотя и весьма замечательной для своего времени персоны.

В-третьих, Ванденберг в 1943–1945 гг. был одной из самых заметных фигур, принимавших участие в планировании послевоенного устройства мира, и повлиял (и прямо, и косвенно) на разработку Устава ООН.

Ряд эпизодов, связанных с деятельностью Ванденберга в годы войны, нашел отражение в работах Т. Хупса и Д. Бринкли [12], Г. Колко [15], Д. Робинсона [17], Ф. Бригса [2] и других американских историков. В. Т. Юнгблюд в своей монографии [23] осветил некоторые аспекты биографии сенатора в контексте функционирования внешнеполитического механизма США, однако комплексно взгляды Ванденберга еще не изучались в отечественной исторической науке. В данной статье мы попытаемся проследить динамику изменений во взглядах политика, выделить основные этапы и факторы этого процесса и показать влияние его идей на конкретные внешнеполитические решения военного периода.

Артур Ванденберг родился 22 марта 1884 г. в городе Грэнд-Рэпидс (штат Мичиган), в семье с голландскими корнями. Неоконченное юридическое образование не помешало ему успешно заняться издательской деятельностью, которая принесла ему известность и политическое влияние. И когда в марте 1928 г. одно из мест в Сенате штата Мичиган оказалось вакантным, Ванденберг был назначен губернатором на высокий пост. Несколько месяцев спустя он успешно был переизбран на постоянной основе и занимал кресло в верхней палате Конгресса вплоть до своей кончины в марте 1951 г. [19].

В годы нахождения у власти администрации Ф. Рузвельта Ванденберг зарекомендовал себя как консерватор и последовательный антиньюдильер, подвергая критике большинство ключевых мероприятий «Нового курса» Рузвельта [3, р. 131].

В области внешней политики в 1930-е годы Ванденберг стяжал себе славу одного из самых принципиальных изоляционистов.

В 1934 г. вместе с Д. Наем он стал инициатором создания специальной комиссии по расследованию деятельности предприятий ВПК в годы Первой мировой войны (более известной как «комиссия Ная»), а в последующие годы был ее деятельным членом. Сенатор принял самое активное участие в принятии Закона о нейтралитете 1937 г. [3, р. 145–147, 231–238].

В 1939–1941 гг. Ванденберг подвергал критике мероприятия администрации Рузвельта, направленные на помощь европейским демократиям в их борьбе с Гитлером, считая, что это неизбежно приведет к втягиванию Америки в войну против Германии [20, р. 2–3].

7 декабря 1941 г. около 16 часов по местному времени в Вашингтоне стало известно о японском нападении на Перл-Харбор. С этого момента изоляционистская риторика потеряла всякий смысл. И Ванденберг это прекрасно понимал. Спустя некоторое время он записал в своем дневнике: «В этот день изоляционизм закончился для любого реалиста» [20, р. 1].

Состояние войны, в котором отныне находилась Америка, персонально для Ванденберга означало, что находиться в жесткой оппозиции внешнеполитическому курсу Рузвельта теперь равносильно политическому самоубийству. Необходимо было найти точки соприкосновения с исполнительной властью, к чему сенатор незамедлительно и приступил.

8 декабря на объединенном заседании Палаты представителей и Сената, на котором была объявлена война Японии, Ванденберг оказался единственным, кто пожелал выступить с комментарием к данному акту. Речь сенатора была посвящена не столько начавшейся войне, сколько его взаимоотношениям с исполнительной властью. В выступлении сенатор не выказал и тени раскаяния в отношении своих изоляционистских убеждений довоенного периода, однако ясно и четко заявил о готовности в условиях военного времени под-

держивать президента всеми доступными методами [5, р. 9505].

Неделю спустя Ванденберг направил Рузвельту письмо, в котором предложил создать некий постоянный орган для проведения консультаций между президентом и законодателями. В ответном послании Рузвельт ненавязчиво дал понять Ванденбергу, что его стиль руководства — это личные консультации с лидерами фракций, а также с руководством профильных комитетов [6, р. 8729]. Таким образом, первый пробный шар, запущенный Ванденбергом, своей цели не достиг.

Следующая попытка Ванденберга «навести мосты» между администрацией Рузвельта и законодателями также закончилась ничем. В ноябре 1942 г. Ванденберг горячо поддержал инициативу своего коллеги-демократа Ф. Мэлоуни, предложившего создать Совещательный комитет по военным проблемам, который должен был выполнять информационную и экспертную функции [6, р. 8730–8731]. Однако проект резолюции Мэлоуни был «похоронен» в Комитете по военным делам. Вопрос об информировании Конгресса о текущей внешней политике оставался открытым.

Настоящий прорыв произошел летом 1943 г. при обсуждении проекта договора о создании Администрации помощи и восстановления Объединенных наций (ЮНРРА). В Белом Доме хотели использовать проверенный годами способ — исполнительное соглашение, не требующее ратификации в Сенате. В начале июня 1943 г. Рузвельт провел консультации с лидерами фракций большинства и меньшинства в обеих палатах Конгресса и заручился их согласием на применение такой процедуры [2, р. 18]. Данный шаг администрации вызвал бурю негодования не только у Ванденберга, слывшего поборником конституционных прав и полномочий Конгресса, но даже у такого последовательного ньюдилера, как Т. Конэлли (председатель сенатского Комитета по иностранным делам) [10, р. 162].

Выступая в сенатских дебатах по этому вопросу, Ванденберг подчеркивал, что нарекания у него вызывает не столько содержание соглашения, подразумевавшего активное участие США в международном сотрудничестве, сколько форма и процедура его реализации: Конгресс оставался в стороне от принятия любых решений до тех пор, пока к нему не обращались за ассигнованиями для выполнения масштабных финансовых обязательств [7, р. 7476].

14 июля в ходе бурной дискуссии между Госдепартаментом и членами сенатского комитета был достигнут компромисс: Конгресс «давал добро» на решение вопроса об участии США в ЮНРРА посредством совместной резолюции, которая требовала простого, а не квалифицированного большинства (в отличие от договора) не только в Сенате, но и в Палате представителей [1, р. 71]. Это полностью удовлетворило Ванденберга. Проведенную процедуру он расценил как «новую и прямую систему консультаций, <...> которая поможет нам избежать многих безвыходных ситуаций, известных в истории» [20, р. 73].

В конце 1942–1943 гг. стратегическая инициатива на фронтах Второй мировой перешла в руки союзников по антигитлеровской коалиции. Изменившиеся военно-стратегические условия обусловили возросшую интенсивность планирования послевоенного устройства мира. Американские сенаторы и конгрессмены не остались в стороне от этого процесса. За 1943 г. на рассмотрение Сената и Палаты представителей было внесено 12 резолюций, прямо или косвенно затрагивавших послевоенное устройство мира и проблему американского участия в новой мировой системе [7, р. 8663].

Некоторые из них носили весьма смелый характер. Так, резолюция № 91 сенатора Г. Джиллета (февраль 1943 г.) призвала президента немедленно подписать со всеми союзниками по антигитлеровской коалиции договор, закрепляющий принци-

пы Атлантической хартии [20, р. 38], а резолюция № 142, выдвинутая в марте того же года группой В2-Н2 (по фамилиям республиканцев Д. Болла и Д. Бертона, демократов Л. Хилла и К. Хатча,), предполагала создание по ходу войны наднациональной организации, имеющей в своем распоряжении международные полицейские силы и наделенной широкими полномочиями в военной, политической и экономической сферах [7, р. 2030]. Обе резолюции, пройдя формальное первое чтение, были «положены под сукно» в специально созданном для их рассмотрения подкомитете.

Чем же названные резолюции не удовлетворили Конэлли, Ванденберга и их коллег по Комитету?

Конфиденциальные беседы, которые Ванденберг весной 1943 г. провел с К. Хэллом, Э. Иденом и У. Черчиллем, показали, что детальное планирование послевоенного мира на столь раннем этапе может стать «миной замедленного действия» в отношениях держав «большой тройки» [20, р. 40–41, 50].

Ванденберг разделял беспокойство своих собеседников. 24 марта он записал в своем дневнике: «Очевидно, что Соединенные Штаты после окончания этой войны должны быть вовлечены в международное сотрудничество даже больше, чем было до ее начала, и мы в общих словах можем об этом заявить. Однако никакие конкретные обязательства невозможны, пока не будет каких-либо обязательств со стороны Черчилля и Сталина» [20, р. 41]. Приведенная цитата очень показательна для характеристики взглядов Ванденберга в эти месяцы: признавая необходимость международного сотрудничества после войны, сенатор во что бы то ни стало стремился сохранить для США традиционную «свободу рук». Резолюция же № 142 ничего подобного не предусматривала.

Несколько месяцев ушло у Ванденберга на то, чтобы подобрать нужные «общие слова». 2 июля он и его коллега по специ-

альному подкомитету У. Уайт представили на суд сенаторов резолюцию № 16, в которой были сформулированы три принципа внешней политики США: ведение войны со странами Оси до победного конца, участие Соединенных Штатов в международном сотрудничестве после войны с целью предотвращения агрессии «любыми необходимыми средствами» и поддержания «всеобщего, прочного и справедливого мира на свободной Земле», соблюдение в этом вопросе конституционных процедур и «осознание американской ответственности и американских интересов» [7, р. 6998]. Пройдя формальное первое чтение, резолюция отправилась в известный подкомитет дожидаться осени — Сенат ушел на летние каникулы.

Логичным продолжением деятельности Ванденберга в Сенате стала его работа по подготовке встречи лидеров республиканской партии на о. Макинак в сентябре 1943 г. Итоги этого форума стали поистине триумфальными для Ванденберга. Принятая 9 сентября декларация провозгласила, что целями внешней политики США являются достижение полной победы над странами Оси с их последующим разоружением и демонтажем военной промышленности, а также «ответственное участие Соединенных Штатов в послевоенном международном сотрудничестве с целью создания организации по предотвращению военной агрессии и обеспечению прочного мира». Излишней конкретики документ не содержал. Более того, отдельно подчеркивалось, что «в данный момент конкретная программа по достижению этих великих целей была бы непрактична, а конкретные обязательства, принятые Советом, республиканской партией или нацией — глупыми» [7, р. 7650].

Возобновление работы Конгресса осенью 1943 г. сопровождалось продолжением борьбы по вопросу об американском участии в будущей международной организации. К началу октября председатель сенат-

ского Комитета Конэлли «созрел» для собственного проекта резолюции, альтернативной плану В2-Н2.. Указывая на необходимость войны со странами Оси до победного конца, резолюция за номером 192 призывала «объединить усилия с другими суверенными нациями по созданию международной организации, уполномоченной предупреждать агрессию и охранять всеобщий мир». Отдельно отмечалось, что правовое оформление американского участия должно опираться на «конституционные процедуры» [7, р. 8620].

Получив подавляющую поддержку в Комитете по иностранным делам, резолюция № 192 была представлена Сенату в первом чтении 21 октября 1943 г. Спустя 4 дня по ней начались дебаты. Ванденберг в своем выступлении отметил четыре положительных качества этого документа. Во-первых, резолюция Конэлли прямо и недвусмысленно одобряла международное сотрудничество в деле поддержания мира и американское участие в этом сотрудничестве. Во-вторых, проект ни в чем не умалял суверенитет Соединенных Штатов. В-третьих, в нем содержалось прямое указание на соблюдение конституционных прерогатив Конгресса в области внешней политики. Наконец, в-четвертых, текст резолюции не содержал «излишних подробностей». На последнем обстоятельстве сенатор делал особый акцент, подчеркивая, что обязательства США ни по времени принятия, ни по объему не должны опережать обязательства Советского Союза и Великобритании: «Мы не можем знать точного положения вещей, которое наступит. Мы не знаем мирных планов и целей наших союзников. Кроме того, нам известно, что Черчилль и Сталин неоднократно обещали своим народам... отстаивать свои национальные интересы. Они скажут ровно столько же, сколько скажем мы» [7, р. 8665].

5 ноября 1943 г. после затянувшихся дебатов резолюция Конэлли была одобрена

подавляющим большинством голосов (85 «за», 5 «против») [8, р. 9221–9222].

Принятие резолюции Конэлли положило начало новому этапу в процессе послевоенного планирования. Отныне он приобретал более детальный характер. Далее предстояло решить, какими именно будут новая международная организация и сопутствующие ей институты.

Новая задача потребовала и новых форм работы. В плане эффективного взаимодействия исполнительной и законодательной власти прежний Совещательный Комитет по послевоенной внешней политике уже не мог удовлетворять требованиям ситуации. 25 апреля 1944 г. в офисе Хэлла состоялась первая встреча главы Госдепартамента с так называемым «комитетом восьми» — группой наиболее влиятельных и авторитетных в области внешней политики сенаторов, в которую кроме Ванденберга вошли Т. Конэлли, А. Баркли, Г. Джиллет, В. Джордж (демократы), У. Остин, У. Уайт (республиканцы), Р. Ла Фоллет (прогрессист) [13, р. 1658]. В течение всего 1944 г. Хэлл (а потом и Э. Стеттиниус) обсуждал с «комитетом восьми» детали американского проекта международной организации безопасности.

Ванденберг и Ла Фоллет играли в этой неформальной группе роль главных «оппозиционеров». Общая концепция новой организации не вызвала у Ванденберга серьезных нареканий. «Этот предварительный проект превосходен», — отмечал он в своем дневнике после первого заседания комитета [20, р. 98]. Однако в некоторых важных аспектах позиция сенатора не совпадала с планами исполнительной власти. Проект Хэлла предполагал, что сначала будет запущен «механизм» новой организации, и только затем подписаны мирные договоры с государствами Оси. По мнению Ванденберга, предлагаемая последовательность вела к тому, что отдельным малым державам могли быть навязаны несправедливые условия мира, которые «новая Лига

Наций» была бы вынуждена поддерживать [20, p. 96].

Противоречия также возникли и в вопросе о применении американских вооруженных сил в принудительных действиях против государства-агрессора. Хэлл полагал, что согласие Конгресса при принятии президентом решения о применении военной силы в мелких конфликтах не понадобится [13, p. 1665]. Ванденберг же настаивал на том, что применение силы в любых масштабах будет равноценно объявлению войны и неизбежно потребует согласия законодателей. Сенатор был готов сделать одно, но значимое исключение — на применение силы в Латинской Америке. От доктрины Монро даже в новых мировых условиях Ванденберг отказываться не собирался [20, p. 115, 118].

Особого рассмотрения требует позиция Ванденберга в отношении методов обеспечения послевоенного мира. Летом — осенью 1944 г. Ванденберг неоднократно высказывался в пользу того, что после войны решающим фактором в предотвращении агрессии и поддержании мира будет не военная сила, а «адекватная международная этика», «благоразумие и правопорядок в международных отношениях» [8, p. 7177, 7527, A4133]. Однако данный факт вовсе не означает, что Ванденберг, для которого конкретные интересы Америки всегда были превыше весьма абстрактных понятий о справедливости и правопорядке, перешел в лагерь последователей вильсонизма. Очевидно, он осознавал, что следующий глобальный конфликт, подобный Второй мировой войне, вызовет катастрофические последствия для человечества [9, p. 7177]. Отсюда — негативное отношение к силе как к методу внешней политики в целом. С другой стороны, Ванденберг был опытным и искушенным политиком и умел адаптировать свою позицию к текущей ситуации. Активно протестуя против ущемления конституцион-

ных полномочий Конгресса, сенатор не мог не думать о некоем запасном варианте на случай, если все его усилия окажутся тщетными. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в глазах избирателей и своих коллег он пытался принизить значимость вопроса о применении военной силы. Не стоит также забывать, что в 1944 г. в США должны были пройти очередные выборы, президентские и парламентские. Сенатор не мог не осознавать, что апеллирование к крепко сидящему в сознании рядовых американцев примату моральных ценностей, неприятию войн, добавит политических очков и Республиканской партии в целом и ее кандидату Т. Дьюи в частности.

Несмотря на все старания Ванденберга и руководства республиканской партии, президентская кампания 1944 г. не принесла сенсации: Ф. Рузвельт без видимых проблем был переизбран на четвертый срок. Поражение Дьюи Ванденберг воспринял спокойно. Осенью 1944 г. его волновало другое — нарастающий ком противоречий между союзниками в отношении стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Свои опасения насчет будущего антигитлеровской коалиции и варианты решения возникших проблем он выразил в своей знаменитой речи в Сенате 10 января 1945 г. Ванденберг предостерегал, что нарастающие противоречия между союзниками угрожают не только окончательной победе на полях сражений, но и мирному сотрудничеству держав-победительниц. Решать эти противоречия, по его мнению, нужно было не при помощи американского молчания или «общего подтверждения благих намерений», а посредством максимально честного и откровенного диалога с союзниками, в ходе которого американской дипломатии следовало бы поставить своих партнеров перед выбором: либо придерживаться старого метода внеш-

ней политики, основанного на «исключительно индивидуальном действии», либо решать международные проблемы сообща [9, p. 165–166].

Свою идею оратор продемонстрировал на примере отношений с Советским Союзом. Истоки политики Москвы в отношении Польши, Чехословакии и других стран региона Ванденберг видел в стремлении советского руководства навсегда обезопасить себя от угрозы со стороны Германии. Альтернативу новой сфере влияния он видел в системе коллективной безопасности. Часть вины за жесткость и неуступчивость советской политики Ванденберг возлагал на руководство США, занявшее слишком неопределенную позицию. Сенатор предложил выход — как можно скорее заключить межсоюзнический договор, который гарантирует вечную демилитаризацию Германии и снимет с повестки дня вопрос о советской экспансии в регионе [9, p. 166–167].

Выступление Ванденберга вызвало весьма бурную реакцию по обе стороны Атлантики. И хотя речь сенатора по форме и содержанию не носила резко антисоветского характера, объективно стала одним из самых первых симптомов надвигающейся «холодной войны».

Результаты Ялтинской конференции руководителей СССР, США и Великобритании вызвали двойственные эмоции у Ванденберга. С одной стороны, итоговое комюнике конференции содержало прямое указание на созыв 25 апреля 1945 г. на территории США конференции Объединенных Наций для утверждения Устава новой международной организации, что не могло не радовать сторонников международного сотрудничества. С другой стороны, решение «польского вопроса» Ванденберг посчитал «совершенно неудовлетворительным» как в плане польских границ, так и в отношении государственного устройства [20, p. 148].

Почти одновременно с первыми известиями об итогах Ялтинской конференции из Госдепартамента пришла информация о том, что Ванденберг включен в состав американской делегации на конференцию в Сан-Франциско. Данный факт поставил его в весьма затруднительное положение. Отказ от участия в конференции означал бы, что его многомесячная работа по выстраиванию диалога между Капитолием и Белым Домом, по выработке новой внешнеполитической программы республиканцев была поставлена под угрозу. Однако острое противоречие между ялтинскими решениями по Польше и его собственной концепцией «справедливого мира» создавало серьезное препятствие для участия сенатора в работе американской делегации. Ванденбергу не оставалось ничего иного, кроме как попросить Рузвельта предоставить ему право «свободно выражать свою точку зрения в нашей делегации», а также «выступить с персональным заявлением об итогах конференции». После длительного обмена письмами с Белым Домом и Госдепартаментом Ванденберг такое право получил и активно включился в работу делегации по подготовке к конференции [20, p. 149–154].

В начале апреля сенатор обнародовал целый пакет из восьми поправок к американскому проекту. Ключевое место в нем занимала поправка, наделявшая Совет Безопасности правом при урегулировании несправедливых ситуаций «рекомендовать надлежащие меры, включая пересмотр международных договоров» [20, p. 162–163]. Данная поправка в контексте его концепции «справедливого мира» (сначала подписание равноправных мирных договоров, а потом юридическое оформление механизма, обеспечивающего их нерушимость) приобретала очень большое значение: если какая-либо великая держава навязет малой державе неравноправный договор, то теперь его можно

будет подвергнуть пересмотру через механизм ООН. Под великой и малой державами Ванденберг подразумевал Советский Союз и Польшу, что откровенно признал в беседе с Э. Иденом несколько недель спустя [20, р. 170].

16 апреля, на первом после смерти Рузвельта заседании делегации, поправка Ванденберга о пересмотре договоров изменила свой вид: было решено, что таким полномочием должна обладать Генеральная Ассамблея, а не Совет Безопасности. Статья, уполномочивающая Ассамблею рекомендовать меры по урегулированию «ситуаций, угрожающих всеобщему благосостоянию», дополнилась словами «включая ситуации, вытекающие из любых договоров или международных обязательств» [11, р. 300–301]. Данная формулировка, хотя она была не столь конкретна, как вариант самого Ванденберга, вполне удовлетворила сенатора.

В ходе работы конференции, длившейся более двух месяцев (с 25 апреля по 26 июня 1945 г.), Ванденберг, будучи де-факто вторым лицом в делегации после главы Госдепартамента Э. Стеттиниуса, принял активное участие как в работе «пятерки» (руководство делегаций пяти приглашающих держав), так и в работе отраслевых подкомитетов II-2 («Полномочия Генеральной Ассамблеи») и III-4 («Региональные соглашения»), что дало ему возможность отстаивать свои взгляды на взаимоотношения великих и малых держав, а также на региональную систему безопасности в Латинской Америке.

«Предложения», принятые в Думбартон-Оксе, существенно ограничивали автономию региональных альянсов: их участники могли применять принудительные меры по отношению к агрессорам только с согласия Совета Безопасности. Данное положение никак не учитывало многолетнюю «доктрину Монро» и наличие у США особых интересов в Латинской Америке. Это со-

вершенно не устраивало Ванденберга, и 5 мая он обратился с официальным письмом к Стеттиниусу. В послании сенатор предупреждал госсекретаря о том, что отказ от «доктрины Монро» представляет «угрозу для ратификации Сенатом всего Устава ООН», и предлагал внести в соответствующий параграф (пункт 2 главы VIII) изменения, исключая Латинскую Америку из-под юрисдикции Совета Безопасности [18, р. 349–350].

Предложение Ванденберга спровоцировало бурные дебаты внутри американской делегации. Большинство членов и советников делегации выступало против его инициативы, считая, что она способна разрушить глобальную систему безопасности. 10 мая Г. Стассен, один из самых активных оппонентов Ванденберга, предложил в качестве альтернативы дополнить текст Устава совершенно новым параграфом, предусматривающим право членов ООН на самооборону от агрессии [11, р. 659–660].

12 мая после двухдневного обсуждения внутри делегации Стеттиниус озвучил предложение Стассена перед главами других делегаций. Новый параграф провозглашал право членов организации «предпринимать необходимые меры в целях самообороны» при агрессии со стороны другого государства. Также параграф содержал прямую отсылку на Чапультепекский акт, подписанный в Мехико в марте 1945 г. представителями 21 американского государства и подразумевавший, что нападение на одного участника альянса равносильно нападению на других [22, с. 457].

Британская сторона, одобряя в целом идею самозащиты от агрессии, выступила резко против упоминаний любых конкретных региональных соглашений или союзов [22, с. 457–458]. После некоторых раздумий Стеттиниус и Ванденберг решили пойти навстречу британцам и убрать из пара-

графа упоминание о Чапультепеке. При этом им стоило немалых усилий убедить представителей латиноамериканских держав, что такой вариант также обеспечит безопасность их государств [11, р. 712–717, 730–739]. 15 мая на заседании «пятерки» новая формулировка была официально одобрена. Через неделю, 22 мая, профильный комитет утвердил поправку, вошедшую в Устав ООН в виде статьи 51. Ванденберг мог принимать поздравления — панамериканская система сохранила свою автономию [20, р. 197].

Почти параллельно этому сюжету развивались события вокруг параграфа 2, который требовал исправить Ванденберг. В обнародованном 6 мая пакете поправок, согласованных приглашающими державами, новый вариант статьи допускал применение силы региональными организациями (как и желал того Ванденберг), но только до тех пор, «пока на Организацию не будет возложена, с согласия заинтересованных государств, ответственность за подавление агрессии...» [22, с. 431]

21 мая представители Франции, не удовлетворенные поправкой четырех держав, предложили свою редакцию спорного положения. Во французском варианте Совет Безопасности мог вступить в регулирование конфликта только по просьбе участников региональных альянсов [22, с. 486]. Формулировка, предложенная французами, в отличие от «поправки четырех», не предполагала расширительного толкования, в то время как слова «заинтересованные государства» явно могли подразумевать, что, к примеру, в дела Латинской Америки могли вмешаться не только Соединенные Штаты, но и Великобритания, СССР или иное государство, предварительно сообщив о своей «заинтересованности».

29 мая на заседании «пятерки» Ванденберг от имени американской делегации согласился заменить слова «с согласия» на

формулировку «по просьбе». Однако вопрос о том, кто именно должен подавать эту просьбу, оставался открытым. Позднее Ванденберг предложил еще более расплывчатую формулировку («заинтересованные Объединенные Нации»), решительно отвергнутую советской стороной [22, с. 536–537]. Нелогичные, на первый взгляд, действия Ванденберга можно объяснить тем, что сенатор в данном вопросе подразумевал не только и не столько Латинскую Америку, сколько страны Центральной Европы. Более расплывчатая формулировка обеспечивала хоть какую-то правовую основу для дипломатического противодействия советской экспансии в этом регионе. В конечном итоге было решено отстаивать перед другими государствами обновленную «поправку четырех» в варианте от 29 мая [22, с. 536–538]. В таком виде данное положение вошло в Устав ООН.

В подкомитете, рассматривавшем полномочия Генеральной Ассамблеи, события первоначально развивались благоприятно для планов Ванденберга: комитет одобрил проект американской поправки, наделявший Генеральную Ассамблею правом рассматривать любые вопросы в сфере международных отношений и давать по ним рекомендации [20, р. 212–213]. До середины июня советская сторона неоднократно на заседаниях «пятерки» выражала свое неудовольствие данным решением, но не находила понимания у представителей других великих держав. Однако к 19 июня А. Громыко добился возвращения поправки в комитет II-2 [22, с. 524, 530, 560, 565]. На следующий день комитет принял советский вариант статьи, исключавший любую возможность его расширительной трактовки. В этом вопросе Ванденберг потерпел поражение, хотя и не признал это публично [22, с. 577–579].

26 июня 1945 г. конференция в Сан-Франциско завершилась торжественным

подписанием Устава ООН и Статута Международного суда. Следующий — и последний — шаг должен был сделать Сенат США. 28 июля после 4-недельных дебатов верхняя палата ратифицировала документы подавляющим большинством голосов: 89 — «за», 2 — «против». Начинаясь новый этап американской истории, на котором Соединенным Штатам надлежало играть роль сверхдержавы.

Таким образом, за четыре неполных года участия США в мировой войне взгляды сенатора Ванденберга претерпели весьма существенные изменения. Из последовательного изоляциониста он превратился в не менее последовательного сторонника активного участия США в мировой политике. Этим трансформациям способствовал сложный комплекс внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов: изменение геополитической картины мира, потребности жесткой политической борьбы на американском политическом Олимпе, где наибольших успехов добиваются политики, способные проявлять гибкость и идти на компромиссы; аргументы и действия

союзников США по антигитлеровской коалиции; деятельность лоббистских групп; личные симпатии и антипатии Ванденберга.

Для взглядов сенатора военного периода был характерен высокий уровень преемственности. Ванденберг сумел адаптировать унилатерализм (свободу от международных обязательств) и «доктрину Монро», которые были неотъемлемой частью предвоенного изоляционизма, к новым историческим условиям.

Позиция Ванденберга по отношению к региональным союзам в 1945 г. оказала значительное влияние на развитие американской политики в этом вопросе. Логическим продолжением статей Устава ООН, в разработке которых принимал участие сенатор, стала «резолюция Ванденберга» 1948 г., заложившая правовую основу для создания региональных военно-политических блоков (НАТО, СЕНТО, СЕАТО) [2, р. 31–50], что дает основания включить Ванденберга в число архитекторов биполярного противостояния между СССР и США, более 40 лет определявшего мировую политику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Acheson D.* Present at the Creation. My Years in the State Department. — N. Y.: Norton & Co, 1969.
2. *Briggs P.* Making American Foreign Policy. — N. Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 1995.
3. *Cole W. S.* Roosevelt and Isolationists. 1932–1945. — Lincoln — L.: University of Nebraska Press, 1983.
4. *Cole W. S.* Senator Gerald P. Nye and American Foreign Relations. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962.
5. Congressional Record. Proceedings and Debates of 77th Congress. Second Session. Vol. 87. Wash.: USGPO, 1941.
6. Congressional Record. Proceedings and Debates of 77th Congress. Third Session. Vol. 88. Wash.: USGPO, 1942.
7. Congressional Record. Proceedings and Debates of 78th Congress. First Session. Vol. 89. Wash.: USGPO, 1943.
8. Congressional Record. Proceedings and Debates of 78th Congress. Second Session. Vol. 90. Wash.: USGPO, 1944.
9. Congressional Record. Proceedings and Debates of 79th Congress. First Session. Vol. 91. Wash.: USGPO, 1945.
10. *Connally T.* My Name Is Tom Connally. — N. Y.: Thomas Y. Crowell Company, 1954.
11. Foreign Relations of the United States. 1945. General: the United Nations. Vol. 1. Wash.: USGPO, 1969.

12. *Hoopes T., Brinkley D.* FDR and Creation of U. N. New Heaven — L.: Yale University Press, 1997.
13. *Hull C.* The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. — N. Y.: Macmillan Company, 1948.
14. *Huthmacher J. J.* Senator Robert E. Wagner and the Rise of Urban Liberalism. — N. Y.: Atheneum, 1968.
15. *Kolko G.* The Politics of War: The World and United States Foreign Policy, 1943–1945. — N. Y.: Random House, 1968.
16. *Patterson J.* Mr. Republican: A Biography of Robert A. Taft. — N. Y.: Houghton Mifflin Company, 1972.
17. *Robinson J. A.* Congress and Foreign Policy Making. Homewood: Doursey Press, 1967.
18. *Stettinius E.* The Diaries of E. Stettinius. N. Y.: Littlehampton Book Services Ltd, 1975.
19. US Congress Biographical Directory. URL: <http://bioguide.congress.gov/scripts/biodisplay.pl?index=V000025>
20. *Vandenberg A.* The Private Papers of Senator Vandenberg. — Boston: Houghton Mifflin, 1952.
21. *Воронцов В. Б.* Сенатор XX в. — М.: Прогресс, 1992.
22. Советский Союз на конференциях периода Великой Отечественной войны. — Т. 6. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско. — М.: Изд-во политической литературы, 1984.
23. *Юнглод В. Т.* Внешнеполитическая мысль США 1941–1945 гг. — Киров: Изд-во ВГПУ, 1998.

REFERENCES

1. *Acheson D.* Present at the Creation. My Years in the State Department. N. Y.: Norton & Co, 1969.
2. *Briggs P.* Making American Foreign Policy. N. Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 1995.
3. *Cole W. S.* Roosevelt and Isolationists. 1932–1945. Lincoln — L.: University of Nebraska Press, 1983.
4. *Cole W. S.* Senator Gerald P. Nye and American Foreign Relations. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962.
5. Congressional Record. Proceedings and Debates of 77th Congress. Second Session. Vol. 87. Wash.: USGPO, 1941.
6. Congressional Record. Proceedings and Debates of 77th Congress. Third Session. Vol. 88. Wash.: USGPO, 1942.
7. Congressional Record. Proceedings and Debates of 78th Congress. First Session. Vol. 89. Wash.: USGPO, 1943.
8. Congressional Record. Proceedings and Debates of 78th Congress. Second Session. Vol. 90. Wash.: USGPO, 1944.
9. Congressional Record. Proceedings and Debates of 79th Congress. First Session. Vol. 91. Wash.: USGPO, 1945.
10. *Connally T.* My Name Is Tom Connally. N. Y.: Thomas Y. Crowell Company, 1954.
11. Foreign Relations of the United States. 1945. General: the United Nations. Vol. 1. Wash.: USGPO, 1969.
12. *Hoopes T., Brinkley D.* FDR and Creation of U. N. New Heaven — L.: Yale University Press, 1997.
13. *Hull C.* The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. N. Y.: Macmillan Company, 1948.
14. *Huthmacher J. J.* Senator Robert E. Wagner and the Rise of Urban Liberalism. N. Y.: Atheneum, 1968.
15. *Kolko G.* The Politics of War: The World and United States Foreign Policy, 1943–1945. N. Y.: Random House, 1968.
16. *Patterson J.* Mr. Republican: A Biography of Robert A. Taft. N. Y.: Houghton Mifflin Company, 1972.
17. *Robinson J. A.* Congress and Foreign Policy Making. Homewood: Doursey Press, 1967.
18. *Stettinius E.* The Diaries of E. Stettinius. N. Y.: Littlehampton Book Services Ltd, 1975.
19. US Congress Biographical Directory. URL: <http://bioguide.congress.gov/scripts/biodisplay.pl?index=V000025>
20. *Vandenberg A.* The Private Papers of Senator Vandenberg. — Boston: Houghton Mifflin, 1952.
21. *Voroncov V. B.* Сенатор XX века. — М.: Прогресс, 1992.
22. Sovetskij Sojuz na konferencijah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny. — Т. 6. Konferencija Ob#edinjonnyh Nacij v San-Francisko. — М.: Izd-vo politicheskoj literatury, 1984.
23. *Jungbljud V. T.* Vneshnepoliticheskaja mysl' SSHA 1941–1945 gg. — Kirov: Izd-vo VGPU, 1998.